

Научная статья
УДК 130.2:800.1
10.18101/1994-0866-2026-2-21-29

К вопросу об онтологическом статусе метафоры

© Фёдоров Михаил Александрович

кандидат философских наук,
доцент кафедры религиоведения и теологии,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

Аннотация. Интерес к метафоре в XX в. ознаменовался двумя направлениями — рассмотрением ее как когнитивного феномена и признанием ее в качестве имманентного языкового механизма. Тесная взаимосвязь языка и мышления делает крайне затруднительным однозначный выбор какой-либо из позиций, тем более что можно найти аргументы против когнитивной онтологии метафоры или отнесения ее к сфере языка в рамках традиционной филологической парадигмы. В статье предлагается точка зрения на метафору как на единицу лингвокультуры — коммуникативно-когнитивный прием осмысления одного объекта в терминах другого, отражающий адаптивную функцию культуры. Под лингвокультурой понимается среда речевой деятельности (*langage*), образуемая образцовыми примерами речи (устойчивыми фразами, метафорами, прецедентными высказываниями), которые обладают общественно-признанным значением, регулярно воспроизводятся и фиксируются в общественной памяти. Такой подход позволяет преодолеть дихотомию когнитивного и языкового подходов к метафоре, показав их неразрывную связь в рамках лингвокультуры.

Ключевые слова: метафора, онтология метафоры, философия языка, лингвокультура, *langage* (речевая деятельность), адаптивная функция культуры, язык и мышление, культурная относительность.

Для цитирования

Фёдоров М. А. К вопросу об онтологическом статусе метафоры // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2026. Вып. 2. С. 21–29.

Постепенная легитимизация применения метафоры в философском дискурсе на протяжении XX в. акцентирует внимание на ее роли и механизме функционирования. Это происходило вопреки длительной традиции, восходящей к Аристотелю, к тому же усиленной позитивистской критикой XIX–XX вв., которая требовала изгнания метафоры из науки как источника неопределенности и двусмысленности.

Долгое время метафора воспринималась лишь как временный эвристический костыль — полезный для наглядности на начальных этапах познания, но подлежащий устранению на стадии строгой теории. Например, Т. Гоббс относил метафору к одним из нескольких способов злоупотребления речи и называл ее одной из причин абсурдных утверждений, но при этом допускал возможность ее использования как одного из ораторских приемов по причине эмоционального воздействия [2, с. 52, 62, 78, 202]. Также Спенсер, с одной стороны, противопоставляет

метафору философскому языку, но при этом сам обращается к ней как к эффективному средству, позволяющему наиболее точно развить свои идеи [8, с. 96, 314; 9, с. 67, 397].

Можно выделить два вектора нового осмысления метафоры — представители первого считали метафору когнитивным феноменом, представители второго рассматривали ее как имманентный языковой механизм. К первым, прежде всего, нужно отнести Х. Ортега-и-Гассета, работы которого объединяют философию, литературу и социальную критику. Называя метафору наиболее «богатой из тех потенциальных возможностей, которыми располагает человек» [5, с. 245], философ говорил, что метафора позволяет выйти из круга известного, создавая связи между нетождественными предметами.

Сравнивая новый объект с тем, что уже познано, делая известные предметы отправной точкой, человек движется к отдельному и ясному представлению. Тем самым, по выражению мыслителя, «метафора удлинняет “руку” интеллекта», обеспечивая ему «доступ к тому, что смутно виднеется на его дальних рубежах». Метафора выступает здесь универсальным инструментом, используемым как в художественном, так и в научном дискурсе, и разность ее функционирования не ущемляет, а скорее обосновывает ее базовую функцию как константу человеческого мышления, где «целостное здание мира и бытия в нем» покоится на «неощутимой частице одной-единственной метафоры» [Там же, с. 468, 476].

К похожему выводу приходит Айвор Ричардс: «В обычной связной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых не было бы метафоры». Причем это характерно как для естественно-научных текстов, так и для философских — «чем абстрактнее и строже философия, тем вернее это утверждение». Описывая механизм метафоры как когнитивный диссонанс, вызываемый активизацией двух мыслительных потоков одновременно, Ричардс указывает на то, что метафоричной является сама мысль, которая транслирует метафору в сферу языка, и потому ее можно считать основой языка. Базовой функцией метафоры является не украшение речи, а создание смысла, проекция внутреннего опыта на внешний мир, поэтому метафора прежде всего передает восприятие внешнего мира, конструирует его, а не просто отражает окружающую реальность [10, с. 45–47, 55–56].

Идеи Ричардса получили развитие в работе Макса Блэка. Разбирая в своей статье различные теории метафоры, ученый приходит к выводу о преимуществах интеракционистской теории Ричардса, но при этом предлагает собственное ее видение: метафора не столько описывает, сколько меняет отношение к описываемому субъекту — «метафора создает сходство», а «не выражает какое-либо сходство, существовавшее ранее» [14, с. 285].

Описывая механизм метафоры как использование «второстепенного предмета для углубления понимания основного предмета», философ определяет ее как «особую интеллектуальную операцию, требующую одновременного осознания обоих предметов, но не сводимую к какому-либо сравнению между ними» [Там же, с. 293]. Можно сказать, что он приближается к концепции Витгенштейна о языковых играх, где реальность создается через языковые практики.

Финальное слово в отношении когнитивной природы метафоры сказали Дж. Лакофф и Джонсон, авторы книги «Метафоры, которые мы живем», которая, по словам А. Н. Баранова, стала «библией когнитивного подхода к метафоре», так что по степени влияния ее можно сравнить с сосюроевским «Курсом общей лингвистики» [4, с. 7]. В самом начале книги декларируется, что метафора пронизывает всю жизнь — язык, мышление, деятельность — и метафоры в языке возможны по той причине, что они изначально представлены в концептуальной системе человека.

Определяя метафору как «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [Там же, с. 27], Лакофф и Джонсон относят ее к категории ментальных феноменов, получающих материализацию в языке. Для доказательства данного тезиса авторы приводят многочисленные примеры метафор и приходят к выводу, что метафоры детерминируют отношение к метафоризируемым понятиям и направляют вербальные и невербальные действия.

Отрыв метафоры от сферы языка не мог не вызвать реакцию философов, придерживающихся традиционных взглядов в отношении ее онтологии. Например, Д. Дэвидсон определяет метафору как принадлежащую к сфере употребления языка, как событие интерпретации, а не объект. Сущность метафоры лежит в ее употреблении, не отличаясь от таких действий, как намек, ложь, обещание и пр. Как и сравнение, метафора объясняется через понятие сходства, где первые истинны, а вторые ложны [10, с. 175, 187]

Следовательно, эвристическая ценность метафоры состоит не в создании связей между двумя предметами, а в том, что заведомая ложь или абсурдность метафорического высказывания сигнализирует об отсутствии буквального значения и подталкивает к поиску сходства, на которое намекает говорящий. Таким образом, по его мнению, эффект метафоры скорее прагматический, а не семантический. Метафора в данной концепции является способом взаимодействия между говорящим и слушающим, который не создает новых значений, а направляет фокус внимания [Там же, с. 190, 192].

Эстафета в обсуждении сущности и механизма метафоры была перехвачена Дж. Сёрлем. В своей работе «Метафора» ученый формулирует исследовательскую проблему следующим образом: «каковы принципы, которые позволяют говорящим производить, а слушающим понимать метафорические высказывания», в которых значение слов или предложений отличается от значений, передаваемых в высказывании. Исходя из этого предлагается следующий постулат: «Метафорическое значение — это всегда значение высказывания говорящего» [Там же, с. 308–309].

Сёрль рассматривает метафору наряду с другими речевыми средствами, построенными не на буквальной интерпретации высказывания, — иронией, косвенными речевыми актами, метонимией и гиперболой — и выводит ряд характерных свойств ее механизма: метафора исключает буквальное значение, основана на ассоциативной связи, использует воображаемые аналогии и характеризуется качественным переносом значения. Подчеркивая инструментальность метафоры, Сёрль говорит о том, что метафора существует только в момент интенционального

использования языка и ее нельзя свести к устойчивым семантическим отношениям. Онтологическими привязками механизма метафоры, по его мнению, можно считать только смысловые ассоциации, представленные в культуре, тогда как сама метафора определяется как способ употребления языка.

Поль Рикер занял промежуточную позицию между Блэком и Сёрлем в вопросах теории метафоры. С одной стороны, он говорит о том, что метафора возникает из взаимодействия двух семантических полей, добавляя, что ключевую роль играет работа воображения и ощущения. С другой — рассматривает механизм метафоры как нарушение буквального значения, требующее интерпретации через конвенциональные правила языка.

Метафора здесь выступает как средство понимания, являясь не пассивным восприятием «готовых» значений, а их интерпретацией, а через это проникновением в их глубинное значение. Такая позиция позволяет ее рассматривать как когнитивный инструмент, который меняет наше восприятие реальности. По словам французского философа, «сила метафоры — в способности ломать существующую категоризацию, чтобы затем на развалинах старых логических границ строить новые» [Там же, с. 442]. С другой стороны, метафора выступает как способ бытия языка, который создает семантические инновации и декларирует актуальные категории. Метафора не является исключительным свойством поэтического языка, но именно в нем достигает максимальной когнитивной силы.

Можно ли разграничить метафору как речевой механизм и концептуальную метафору как единицу когнитивной сферы? К сожалению, есть существенные возражения против такого простого решения. Во-первых, примеры, приводимые в пользу когнитивной природы метафоры, могут также объясняться когнитивной функцией речевой метафоры, где говорящий, используя речевую метафору, устоявшуюся в лингвокультуре, структурирует один концепт при помощи другого.

Во-вторых, когнитивную природу метафоры можно было бы обосновать, если представить примеры метафор, составленные из «чистых» ментальных единиц. Например, в концептосфере есть единицы, не представленные в языке в виде отдельных лексем, например, «ледяная дорожка на тротуаре, по которой можно, разбежавшись, прокатиться зимой», «люди, давно состоящие в браке» [6, с. 44]. Простой мысленный эксперимент показывает невозможность метафоры с такими единицами, что позволяет утверждать, что метафоры возможны только с лексикализованными концептами, а следовательно, только через посредство единиц языка.

Можно ли однозначно отнести метафору к речи? В классической сосюрровской парадигме речь определяется как «индивидуальный акт воли и разума», «комбинации, в которых говорящий использует (языковой) код» [7, с. 20]. Здесь речь — это конкретное говорение, протекающее во времени, реализация языкового кода, где речь является конкретной и неповторимой в противоположность абстракции языка [1, с. 414].

Если метафора реализуется в речи, то она должна быть заложена в языке, однако к сфере языка, строго говоря, можно отнести только метафорический способ образования значения, являющийся результатом речевой практики. Исключительными

единицами языка, в которых можно выделить метафору, являются фразеологические единицы, и это в силу того, что они являются «законсервированными» речевыми сочетаниями. В этой связи возникает вопрос — где заложена метафора как «механизм речи, применяемый к любым видам функционирования слов в непрямом значении» [Там же, с. 296]?

Этот вопрос еще усложнится, если мы посмотрим на реальное функционирование метафоры: осмысление одного понятия через призму другого не является простым тождеством «спор — это война», а скорее перенесением множества признаков сферы источника (защищать, нападать, разбивать, победить, проиграть и т. д. [4, с. 26]) на сферу цели. Из этого видно, что метафора является системным феноменом, способом речевого (и как следствие когнитивного) действия, где предикация осуществляется намеренно с нарушением устоявшихся семантических связей.

Эта системность является многоуровневой, что можно увидеть на примере метафор, структурирующих концепт времени. Во-первых, несколько метафор могут объединяться в общую модель осмысления концепта, оказывая взаимное влияние на специфику осмысления структурируемого концепта. Во-вторых, таких метафорических моделей, структурирующих один и тот же концепт, может быть несколько, и эти модели могут иметь разную востребованность в речевой практике в разные периоды истории культуры, что позволяет говорить о культурных парадигмах осмысления концептов. И, наконец, метафора как средство деятельности культуры эволюционирует, включая новые аспекты осмысления мыслительных сущностей [11, с. 143–144].

Более того, согласно Лакоффу и Джонсону приводимый корпус метафорических контекстов показывает характерное для одной культуры осмысление понятий, и может иметь иное осмысление понятий в других культурах [4, с. 34]. Следовательно, эти речевые контексты являются примером устоявшейся метафоризации, а не речи отдельных индивидов, которые порождают такие выражения в рамках заданных ментальных паттернов.

В классической триаде «речевая деятельность = язык + речь» [7, с. 20–21] этому корпусу метафор нет места ни в языке как инвентаре единиц разного уровня, ни в речи как индивидуальном акте. Между тем данный корпус существует как объективная данность, определяя речевое поведение индивидов, и обладает культуророспецифическими чертами. Бессмысленно относить этот корпус к речевой деятельности в сосюрсовском понимании как аморфной совокупности всех речевых актов, потому что он явно носит системный характер.

В филологической традиции есть как минимум два примера корпусов фиксированных, то есть не порождаемых в речевом акте индивида, единиц, но имеющих прямое отношение к речи. Во-первых, это фразеологические единицы, онтологически являющиеся речевыми, но относящиеся к сфере языка, поскольку в результате коммуникативной практики они стали эквивалентны лексическим единицам. Во-вторых, это корпус этикетных фраз, определяемых как система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения [12, с. 9], которые не относятся к языку, но фиксированы в речевой практике.

Тут видится два выхода: либо оставаться на позиции, что единственным коллективным инвентарем речевой деятельности остается язык, и тогда нужно расширять перечень его единиц, чтобы он включал в себя все фиксированные речевые корпуса, такие как корпус этикетных клише и корпус метафор, либо признать, что семиосфера культуры как система средств коммуникации, отобранных речевой практикой и ориентированных на реализацию адаптивных функций культуры, включает в себя не только язык, но и еще одну систему, объединяющую разные корпуса речевых единиц. Такой системой мы считаем лингвокультуру, под которой понимается среда речевой деятельности (*langage*), образуемая образцовыми примерами речи (устойчивыми фразами, прецедентными высказываниями, метафорами, идиомами), которые обладают общественно-признанным значением, регулярно воспроизводятся в речевой практике и фиксируются в общественной памяти. В отличие от языка (*langue*) как системы абстрактных средств коммуникации лингвокультура включает конкретные, значимые в культурном отношении речевые образцы [11, с. 10–13].

Лингвокультура соприкасается с понятиями узуса как общепринятого употребления языковых единиц и языковой нормы как совокупности наиболее устойчивых реализаций системы языка [1, с. 337, 414]. Однако мы рассматриваем лингвокультуру не в контексте оппозиций «уместно — неуместно», «правильно — неправильно», а как представленную в речевой практике сумму речевых действий, состав которой является необходимым и достаточным для адаптивных практик языкового коллектива.

Традиционно разграничивают стертые и свежие метафоры, первую из которых можно отнести к речевым действиям, уже зафиксированным в лингвокультуре и регулярно используемым в речевой практике, а вторую — к осознанному акту видения-выражения одного предмета через призму другого, событию интерпретации (Дэвидсон), реализуемому через взаимодействие двух семантических полей (Рикер). Считаем, что для индивида первичными являются стертые метафоры — с ними он знакомится, когда учится языку, воспринимая и используя уже готовые образцы коммуникации, представляющие собой культурно обусловленные акты осмысления действительности. Именно в стертых метафорах заложены принцип отождествления разных сущностей и модели для создания свежих метафор.

Таким образом, именно в речевой практике и через нее уже в ментальном мире индивида представлена метафора как когнитивно-коммуникативный прием отождествления двух объектов, который прежде всего нацелен на реализацию адаптивной функции культуры. Без метафоры коммуникативная система человека требовала бы огромного количества слов (С. Ульфман), метафора является самым эффективным способом поведения в новой ситуации, где невозможно опереться на предыдущий опыт, где установление подобий является естественной мыслительной операцией, одним из способов усвоения новой информации (Б. Скиннер) [цит. по 13, с. 42–43].

Предложенная точка зрения не обязательно вступает в противоречие с позицией ученых, отстаивающих когнитивную природу метафоры, но может рассматриваться

как дополняющая ее. Так, мы более чем согласны в определении метафоры как константы человеческого мышления, усиливающей его потенциал (Ортега-и-Гассет), но это возможно именно в контексте того, что метафора является неотъемлемым средством человеческой коммуникации и как таковая оказывает влияние на человеческое мышление.

Поддерживая тезис о тесной взаимосвязи языка и мышления, считаем, что именно языковая практика проецирует метафору в мышление, делая ее способом осмысления мира (А. Ричардс, М. Блэк). При этом подчеркиваем, что перспектива мира меняется не за счет чисто ментального, а в силу речемыслительного действия, где концепты области цели и области источника очерчены благодаря тому, что репрезентированы в языке и потому могут использоваться как ментальные орудия.

Позиция Сёрля, состоящая в том, что метафора существует только в момент интенционального использования языка и ее нельзя свести к устойчивым семантическим отношениям, заслуживает самого серьезного внимания. С одной стороны, мы уже приводили аргументы в пользу устойчивости метафор и их влияния на речевую практику, поэтому мы не можем вполне с ним согласиться. С другой, он выражает то, что можно назвать узким пониманием метафоры как когнитивного процесса, формирующего новые понятия и обуславливающего новое знание [3, с. 55], но здесь речь идет о речевом действии. Считаем, что это можно рассматривать как аргумент в пользу тесной взаимосвязи языка, где метафора как когнитивное действие (Лакофф, Джонсон) возможна только при помощи речи.

Таким образом, метафора — это неотъемлемый принцип языка, представленный в речевой деятельности в виде множества речевых действий отождествления предметов, относящихся к разным семантическим областям. Такое отождествление обусловлено культурно-адаптивными практиками носителей языка и как таковое направляет их мышление определенным образом. Однако такое влияние не является абсолютным и может быть преодолено. Можно согласиться с тем, что метафорическое мышление имеет подсознательную основу, а ее механизм можно описать в когнитивных терминах, но как орудие культуры она сохраняется и передается в речевой практике.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь: языкознание / под редакцией В. Н. Ярцевой. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1990. 1010 с.
2. Гоббс Т. Левиафан или Материя, Форма и Власть государства церковного и гражданского. Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 504 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / составители: Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. Москва, 1997. 246 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / перевод с английского ; под редакцией и с предисловием А. Н. Баранова. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : перевод с испанского. Москва : АСТ, 2002. 510 с.

6. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки, 2001. 192 с.
7. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
8. Спенсер Г. Основные начала. С.-Петербургъ: издание Л. Ф. Панфилова, 1897. 468 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003680746/ (дата обращения: 12.04.2026).
9. Спенсер Г. Социальная статика. Москва : Юрайт, 2025. 424 с. URL: <https://urait.ru/bcode/566828> (дата обращения: 21.04.2026).
10. Теория метафоры : сборник. Москва : Прогресс, 1990. С. 173–193.
11. Фёдоров М. А. Эволюция концептуальной метафоры «время — ценная вещь» в британской лингвокультуре : монография / научный редактор П. П. Дашинамаева. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. 242 с.
12. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Русский язык, 1987. 158 с.
13. Черниговская Т. В. Нейро- и психолингвистика. Курс лекций. URL: <https://www.klex.ru/20k2> (дата обращения 24.04.2026).
14. Black M. Metaphor. *Proceedings of the Aristotelian Society, New Series*. 2010, vol. 55, pp. 273–294. Available at: <https://web.stanford.edu/~eckert/PDF/Black1954.pdf> (accessed 21.04.2026).

Статья поступила в редакцию 28.04.2026; одобрена после рецензирования 12.05.2026; принята к публикации 14.05.2026

On the Ontological Status of Metaphor

Mikhail A. Fyodorov

Cand. Sci. (Philos.), A/Prof.,
Department of Religious Studies and Theology,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

Abstract. The 20th-century debate over whether metaphor is a cognitive phenomenon or an immanent linguistic mechanism can be resolved by defining it as a unit of linguoculture. The close interrelation of language and thought makes a definitive choice between these positions highly challenging. Moreover, we can find arguments against both the cognitive ontology of metaphor and its categorization within the domain of language under the traditional philological paradigm. The article proposes a view of metaphor as a unit of linguoculture — a communicative-cognitive device for understanding one object in terms of another, reflecting the adaptive function of culture. By linguoculture we understand a sphere of speech activity (langage) formed by exemplary instances of speech (idioms, metaphors, and precedent utterances). These instances possess socially recognized meanings, are regularly reproduced, and are fixed in public memory. This approach allows for overcoming the dichotomy between the cognitive and linguistic approaches to metaphor by demonstrating their inseparable connection within speech activity.

Keywords: metaphor, ontology of metaphor, philosophy of language, linguoculture, language (speech activity), adaptive function of culture, language and thought, cultural relativity.

For citation

Fyodorov M. A. On the ontological status of metaphor. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2026; 2: 21–29 (In Russ.).

The article was submitted 28.04.2026; approved after reviewing 12.05.2026; accepted for publication 14.05.2026.